

© 2002 г., ЭО, № 4

В.В. Тр е п а в л о в

ИСЛАМ И ДУХОВЕНСТВО В НОГАЙСКОЙ ОРДЕ XV–XVII вв.

Ногайская Орда образовалась во второй половине XV в. на территории левобережного Нижнего Поволжья, Башкирии и значительной части Казахстана в результате распада Золотой Орды (Улуса Джучи). По своему географическому положению, составу населения, административному устройству, внешней политике она выступала непосредственной наследницей прежних кочевых империй Евразии. Населявшие ее восточнокипчакские племена обозначались общим понятием «ногай», происхождение которого достоверно не известно¹. С населением Ногайской Орды и выходцами из нее соприкасались и отчасти ассимилировались предки казахов и киргизов, казанских, крымских, сибирских и астраханских татар, башкир и каракалпаков, туркмен и калмыков, донских и уральских казаков, а также некоторых народов Северного Кавказа. Поэтому изучение ногайской истории помогает прояснить некоторые аспекты средневековой истории указанных этносов и казачества.

Ногайская Орда принадлежала к миру ислама и входила в систему мусульманских политических образований как ее полноправный и полноценный компонент. Это было очевидным как для соседей², так и для самих ногаев: «А в нашей вере в ыных государьствах в мусулманских все мусулманские государи нам... верят, потому что в нас ложь не бывает»³. Западные источники единодушно в том, что жители ногайской державы «держатся закона Магомета» и иногда уточняют: «последуют магометанскому закону суниского (суннитского. – В.Т.) толкования», «исполняют обряды не персов, а турак» (т. е. не шиитские, а суннитские)⁴.

Что касается степени религиозности заволжских кочевников, то, пожалуй, лишь Эвлия Челеби посчитал их «очень послушными газиями»⁵. Более ранние авторы видели в ногаях «развратных и дурных мусульман», «в высшей степени невежественных в делах религии», не соблюдающих «правила своей религии» и т.п.⁶ Доверившись подобным констатациям, А. Беннигсен и Ш. Лемерсье-Келькеже расценили жителей Ногайской Орды как поверхностных (*superficiels*) мусульман⁷. Однако ногайские источники той эпохи свидетельствуют, на наш взгляд, о довольно прочной укорененности ислама. Неоднократное уподобление (а не противопоставление) его христианству в переписке биев и аристократов-мирз с московским двором свидетельствует об отсутствии религиозного фанатизма, характерного для неофитов⁸. Многие грамоты содержат пассажи типа «нас, мусульманов, Бог сотворил, а вас, христиан, Бог же сотворил»; «а с тобою (Иваном IV. – В.Т.) у нас Бог один, а вера не одна»; «ты и мы Божьи холопы, хотя вера наша и розна» и т.п.⁹

Впрочем, богословские отступления в целом не характерны для ногайско-русской корреспонденции, за исключением периода правления бия Юсуфа (1549–1554). При нем послания из стольного Сарайчука (Сарайчика) часто снабжались отвлеченными рассуждениями, например: «Сеи свет прелестныи, ови придет, ови и отидет. Наши книжники так сказывают, что от смерти никому не избыть, – писано в нашем куране, а и в вашем евангилье есть. Ваши книжники во евангилье то видят, что есть на том свете животново, тому всему померити. И сам ты гораздо уразумеешь: не умрет, не минетца слава добра»¹⁰.

Вместе с тем мы не можем игнорировать солидарность независимых друг от друга источников, говорящих о не всеобъемлющем господстве ислама у кочевников. Невозможно отрицать, что среди ногаев сохранялись весьма значительные пережитки домусульманских верований. На эту особенность их мировоззрения обращали внимание наблюдатели конца XVII–XVIII в. Реликтов язычества было еще больше в предшествовавшие два столетия. Отмечались обряды жертвоприношений по неискламским канонам, поклонение домашнему очагу, использование лошадиных черепов как амулетов¹¹. Ногайскому языку и фольклору знакомы древние названия верховного божества – Кудай и Тенгри¹². Среди ногайцев в XIX – начале XX в. бытовали заговоры (*арбау*), заклинания (*шуклау*), ритуальные проклятия (*каргыс*), благопожелания (*алгыс*). Их практиковали колдуны (*яды*), чародеи (*саварши*), волшебники (*сыхырши*), прорицатели (*сынши*), знахари (*кагымши*), своего рода гипнотизеры (*кёзбайлауши*), шаманы (*камлауши*), ритуальные музыканты (*баксы*), благопожелатели (*тилекши*, *алгысши*), проклинатели (*каргауши*), ворожеи (*балши*) – все это люди, по народным поверьям, исключительные, обладающие сверхъестественными свойствами¹³.

Случалось, чудодейственные способности могли приписать и «неспециалисту». Так, в 1636 г. политические противники обвинили мирзу Адила б*. Арслана Урмаметева в колдовстве, которое привело к установлению сильных морозов¹⁴. За четыре года до этого мирза Али б. Хорошай Ураков попытался было приписать неожиданное похолодание в середине марта магическим козням русских гонцов, но те здраво парировали, что «в проваславной (так в тексте. – В.Т.) крестьянской вере такова дурна не бывает. Делаетца то все Божиею волею, а не от них». Приближенные советовали мирзе подвергнуть подозреваемых истязаниям, чтобы добиться признания в чародействе, но все обошлось¹⁵.

Ислам стал широко распространяться среди кочевников Дешт-и Кипчака¹⁶ в первой половине XIV в., в эпоху золотоордынского хана Узбека (1312–1341 гг.). В конце XIV – начале XV в. дальнейшая исламизация Улуса Джучи развернулась под эгидой родоначальника ногайской знати беклербека** Эдиге (Едигея), который проводил активную конфессиональную политику, стяжав репутацию праведника и благочестивого мудреца¹⁷. Очевидно, память об одном из этих этапов распространения новой для ордынцев религии отразилась в словах мирзы Джан-Мухаммеда б. Дин-Мухаммеда (1635 г.) о том, что если бы не насилия астраханских воевод, то «сами бы... мы своево родственнова стариннова корени не покинули и матки своеи Волги, где наша изначала вера зачалась»¹⁸ (как Узбек, так и отчасти Эдиге имели свои политические центры в Нижнем Поволжье).

Кроме Поволжья в качестве исходного пункта появления мусульманства у ногаев в различных источниках фигурируют также Булгар, Багдад, Туркестан и (неоднократно) Бухара¹⁹. По хронике Сад Ваккаса б. Раджаба и Кашигафа б. Абу-Саида, основатель ордена Накшбанди Багау-л-Хакк-ва-д-Дин направил из Бухары 366 конных шейхов в помощь Мухаммеду Шейбани (конец XV – начало XVI в.) для обращения к учению Пророка жителей Прииртышья, в том числе и народа ногай²⁰. К ногаям Башкирии – «очень развратным и дурным мусульманам», по местным преданиям, отрядил для проповеди своего ученика знаменитый бухарский суфий Ходжа Ахмед Ясави, и тот преуспел в миссионерском служении²¹. Ногайцы же в XVIII–XIX вв. передавали сказание об исходе их предков из «Бухарии», где тех, изначальных язычников, обратил в ислам святой Ходжа Ахмед Баба-Туклес²².

Несмотря на относительно позднее внедрение ислама и сохранение элементов язычества, ряд формальных признаков позволяет видеть у ногаев уже мусульманское

* Б. – принятое в русскоязычной литературе обозначение слова «ибн» (сын) как элемента мусульманского ономастикона; Адиль б. Арслан – Адиль сын Арслана.

** Беклербек (улул бек, амир ал-умара) – в Золотой Орде глава сословия кочевой знати и верховный военачальник.

общество. Скажем, у них непрерываемо был авторитет Корана, клятвой на котором скрепляли международные договоры. В ногайско-русских отношениях и в соглашениях между мирзами обычным было заключение *шарт-наме* (договора) «на куране». Причем, призвание в свидетели священной книги сводилось не просто к наличию ее на церемонии, а в использовании Корана в качестве обязательного ритуального предмета («в куран поцеловать, положи руку на куран», «на куране шертовал и целовал в куран», «поцеловал книгу при Енмамет мурзе» и т.п.²³). Из материалов крымских дел известно, что в таких случаях раскрывалась определенная сура, к которой и прикладывались губами мусульмане – участники переговоров²⁴.

Кроме того, в источниках сохранились сведения о религиозных обрядах, практиковавшихся в Ногайской Орде. Во-первых, это молитвенный ритуал – *намаз*. Хотя в источниках отсутствуют сведения о пятикратном ежедневном молении у ногаев, но русские наблюдатели сообщали, что мирзы со свитой «в шатре пели намаз», по случаю заключения договора «разослав епанчю и сметав башмаки, учили намаз молити». Торжественный молебен устраивался и в честь новоизбранного бия²⁵.

Во-вторых, соблюдение ежегодного поста – *рамазана*, который знаменовался праздничными молебнами и снижением дипломатической активности мирз²⁶.

В-третьих, паломничество в святые города Аравии – *хаджж*. Сведений о том, ходили ли в Мекку и Медину мангытские* высокопоставленные аристократы, нет. Ни один из биев там, видимо, не побывал. Хотя их жены и матери начиная со времен Эдиге²⁷ предпринимали это далекое странствие. Длительное отсутствие в Орде правителя таило опасность нестабильности в покинутых им владениях. Беклербек Большой Орды Тимур б. Мансур б. Эдиге в середине XV в. вознамерился было совершить хаджж, но его отговорил придворный стихотворец Шал-Кийиз Тиленшиулы, дабы не давать повода для междоусобной распри. Лучше облегчить участь обездоленных и униженных: «таким путем ты, и сидя дома, освободишься от грехов»²⁸, – говорил поэт.

Маршрут ногайского хаджжа известен из «распросных речей» астраханского «юртовского татарина», который ходил «по их мусульманской вере к Меке для молбы» (1628 г.). Из Астрахани паломники направлялись в Малую Ногайскую Орду²⁹, что располагалась в Прикубанье и Приазовье, а оттуда в Крым, где до двух месяцев ожидали сбора достаточно большой группы верующих. Из Крыма эта группа двигалась к турецким крепостям Подунавья (Ак-Керман, Джан-Керман, Измаил, Килия) и затем в Стамбул. Там в течение некоторого времени вновь ждали подхода паломников «с турецких розных городов». Из османской столицы пешком за шесть недель преодолевали расстояние «до города Шамшарифа», от которого следовали уже до священной аравийской области Хиджаз «скорою ездой днем и ночью на верблюдох шесть недель [и] три дни, потому что... то место безводное». После месячного пребывания у святынь тем же путем возвращались в Стамбул и оттуда на родину³⁰.

Русской астраханской администрации еще с 1570-х годов вменялось в обязанность перевозить через Волгу пилигримов с востока. Даже когда в отношениях между Россией и Большими Ногаями наступало охлаждение, мирзы просили царя повелеть его нижеволжским наместникам «за Волгу возити» паломников – «которые азен (хаджи. – В.Т.) пойдут к Меке»³¹. Но некоторые из паломников после переправы поворачивали не к Малым Ногаям и далее в Крым, а в Москву, чтобы выпросить у тамошнего правительства «в дорогу денег на харчь», и лишь затем через степи двигались к Бахчисараю или Ак-Керману³².

Время от времени ногаи налагали на себя различные обеты, которые внешне носили религиозный характер, но на деле могли использоваться как политический инструмент. Мусульманское благочестие и приверженность к кочевому образу жизни причудливо переплелись в ситуации, когда бий Иштерек в середине 1610-х годов «дал... завет по своей вере... что ему нигде ни в которые города не ездити», причем

* Мангыты – тюркское племя, из которого происходил правящий клан Ногайской Орды.

подчеркивалось, что особенно неприемлем для него визит в «каменной белой город» Астрахань (т.е. в новопостроенную крепость на противоположном берегу от прежнего, татарского Хаджи-Гархана). Данным обетом Иштереки мотивировали свои отказы на бесконечные приглашения воевод прибыть к ним на переговоры. Но при этом он не раз заявлял, что «завет переставит», если из аманатов (заложников) будут освобождены его сын и племянник³³. Значит, данный обет служил скорее средством давления на правительство и воевод, чем проявлением мусульманского рвения. В 1642 г. стало известно о таком же поведении мирзы Султан-Ахмеда б. Аксак Кель-Мухаммеда Тинмаметева, подданные которого «кочевали... по степи, потому что по своей вере господу Богу обет... на себя положили, что... в город не ездить»³⁴.

Дипломатической уловкой выглядел и иштереков «обет Богу, что шапки с себя не снимать». Этот довод был выдвинут ногаями из нежелания показать свою зависимость от царя во время оглашения царской грамоты. И лишь когда московский эмиссар в Астрахани отказался начинать переговоры, бий, «стоя многое время и говоря таино с сеитом своим Ибреимом, шапку с себя снял». Надуманность «обета» проявилась сразу, поскольку присутствовавший тут же мирза Аксак Кель-Мухаммед не пожелал обнажить голову не из-за клятвы перед Аллахом, а «потому что у него голова болит»³⁵.

Своеобразный обряд зафиксировали А. Олеарий и вслед за ним Я. Стрейс. Ребенка-первенца, случалось, посвящали Богу или какому-нибудь святому, в знак чего дочери в правую ноздрю, а мальчику в мочку правого уха вдевали перстень с драгоценным камнем³⁶. Во второй половине XVIII в. подобные перстни отмечены уже в ряду прочих женских украшений, без всякой связи с посвящением³⁷, а еще через столетие наблюдается исчезновение неканонических обрядовых церемоний, связанных с рождением сына или дочери³⁸. Современные ногайцы с указанным обычаем, насколько мне известно, не знакомы.

Не много данных имеется и о погребальной обрядности в Ногайской Орде. Собственно эта мусульманская держава придерживалась порядков захоронения и поминания, присущих в целом миру ислама, и доминиканский монах, путешественник первой четверти XVII в. Ж. де Люк уверял, будто погребение у ногаев устраивается так же, как у крымских татар: в присутствии муллы, в деревянном гробу, в могиле с двумя камнями; девушкам кладут в ноги и в изголовье яркие ленты или цветы; единственное заметное отличие – насыпка кургана, «чтобы помешать зверям разрыть трупы»³⁹. Последнее действие объяснялось, наверное, не только заботой о сохранности могилы, но и давней кипчакской традицией, несомненным реликтом язычества. Позднее сооружение курганов прекратилось, а в XIX–XX вв. ногайцы стали хоронить своих сородичей в соответствии с мусульманской традицией⁴⁰.

Более консервативными оказались поминальные обряды, совершавшиеся на сороковой и сотый день и через год после смерти. Мусульманским там было лишь чтение отрывка из Корана. Практически весь прочий церемониал остался доисламским⁴¹. Во время поминок устраивались молебен, обильное угощение, раздача подарков и денег⁴².

Некрополь знатных мангытов располагался в районе Сарайчука на Яике, но о каких-либо церемониях, совершаемых там, источники не упоминают. Есть данные и о другом кладбище – «въ Юргече у астана», «где лежат их родители на астан»; может быть, это был могильник многочисленной ногайской эмиграции на территории Хивинского ханства (в Хорезме?)⁴³.

В восточном Дешт-и Кипчаке сохранилось много отдельно стоящих в степи мавзолеев из обожженного кирпича или грубо обработанного камня. Датируются они XIV и последующими веками, т.е. периодом активной исламизации региона. Это семейные и одиночные усыпальницы кочевой аристократии на территории их кочевий⁴⁴. Подобные памятники различного облика назывались *мазар*, или *кешене*. Они, судя по дипломатической переписке, устанавливались над могилами биев, мирз и иногда их приближенных. Возле них и устраивались поминальные тризны. В ногайских посланиях в Москву то и дело встречалась просьба прислать деньги или материалы

для постройки «кешеней»⁴⁵. Но во время распада Ногайской Орды, в первой трети XVII в., такие просьбы уже не поступали. Из-за отдаления основной массы ногаев от своих старых родовых могильников в Западном Казахстане сооружение мавзолеев прекратилось.

Представляется, что аналогичный путь – расцвет и отмирание – проделало и строительство мечетей. Археологические и фольклорные данные говорят о существовании многих храмов в ногайских владениях в Башкирии в последней четверти XV в.⁴⁶, что соответствовало и массовому строительству там кешене. Имеющиеся немногочисленные сведения позволяют предполагать наличие мечетей и южнее, на основной территории Орды. В 1553 г. мирза Белек-Пулад б. Хаджи-Мухаммед просил у царя строительные материалы для возводимого «Божиего дома мизгити (мечети. – В.Т.)», а в 1564 г. его брат, мирза Дин-Али, поведал о своем желании получить сторублевое жалованье, чтобы «тем бы мне поставити в Сараичике мечит»⁴⁷.

Постепенно, отходя под натиском калмыков с казахстанских пастбищ к западу, ногаи концентрировались у Астрахани, где и сосредоточивали свою религиозную жизнь. Уже в 1586 г. там существовала мечеть, в которую ездил молиться крымский царевич-эмигрант Мурад-Гирей («а мечеть от города менши полуверсты»⁴⁸). В 1620 г. ногайский саид Сайф-ад-Дин затеял строительство новой мечети в самой Астрахани, о чем известил царя Михаила Федоровича – «чтобы, приходя, всякие люди про твое государево многолетнее здоровье Бога молили»⁴⁹.

Те ногаи, что расселивались по южным степям Восточной Европы, отрывались от родственных племенных общин-элей и в целом утрачивали инициативу возведения молитвенных зданий (как и в случае с кешене). Правда, известно, что крымский хан Сахиб-Гирей в 1530-е годы повелел поставить несколько таковых в Буджаке, чтобы привлечь туда переселенцев из-за Волги⁵⁰. Но эта мера сопровождалась насильственной седентаризацией и находилась в русле крымской, а не ногайской культурно-религиозной и экономической политики. В поселках ногайцев Крымского юрта в XVIII в. имелись каменные храмы с черепичными крышами и без минаретов⁵¹. Позднее у некоторых локальных групп ногайцев вообще не было стационарных мечетей. В XVIII в. у них еще сохранялись кочевые молельни⁵², а в следующем столетии они молились уже под открытым небом или, если стояли морозы, в своих жилищах⁵³.

Информация о мусульманском духовенстве Ногайской Орды крайне фрагментарна. Старый торговый и административный центр Дешт-и Кипчака Сарайчук в принципе имел потенциал для привлечения туда священнослужителей. Еще в 1333 г. арабский путешественник Ибн Баттута посетил в этом городе келью (*завия*) некоего дервиша, «праведного старца из тюрок»⁵⁴, но обычно у ногаев таковые обретались в кочевых улусах, при степных ставках биев и мирз.

В ногайском героическом эпосе приводятся такие ранги служителей культа: *ныфты* (муфтий), *шейх*, *кади*, *суфий*, *эфенди*, *мулла*⁵⁵. Сказания отразили, разумеется, поздние реалии, а по документам, связанным с Ногайской Ордой, подобный перечень выглядит иначе.

В конце XV – первой трети XVII в. там существовали следующие категории лиц, которых можно условно отнести к духовенству: 1) *саиды* – целая прослойка населения, восходящая к Пророку и удостоившаяся в ногайско-русской переписке определения своего статуса как «Божия посланника Магамметова корени»⁵⁶. При дворе бия находились, как правило, несколько саидов, один из которых считался старшим (при Иштереке это были его тесть Ибрагим б. Калеват и затем Сайф-ад-Дин б. Калеват); кроме того, существовал главный саид Сарайчука⁵⁷; 2) *муллы* – служители культа. Какой-либо градации их не существовало, разве что известны муллы, служившие при бие⁵⁸. Очевидно, ногайские муллы состояли не при определенных мечетях (как полагалось бы по нормам веры), а при ставках знати; 3) *ходжи* – потомки четырех праведных халифов⁵⁹. Они называются в документах, как правило, вместе с саидами в

качестве их «братьев»⁶⁰. Некоторая иерархия в их среде существовала, о чем можно догадаться из слов мирзы Саид-Ахмеда б. Мухаммеда об «изо всех между хозесейтов и хозяев (хаджи-саидов и ходжей. – В.Т.) почтенном нашем человеке Бебеи хозе»⁶¹. Ж. де Люк воспринимал ходжей у крымских ногаев первой четверти XVII в. как мулл⁶²; 4) *садры* – это или отпрыски бухарской династии первосвященников, или держатели вакуфных («церковных») владений в Ногайской Орде; оба значения имеют мавераннахрское происхождение. Собственно, садр в известных мне источниках встречается лишь однажды: «богомolec... Иштереков княжеи садыр Хадзи Джеилев»⁶³; 5) *шейхи* – богословы; представлены в источниках немногочисленными упоминаниями: ногайский посол Кутлуг-шейх, отец зятя бия Мусы шейх Малум-хаджи и др.⁶⁴; 6) *хафизы* – знатоки священных текстов и преданий; являлись, вероятно, категорией духовенства, наиболее приближенной к простонародью и к светской политике. Они участвовали в военных походах, вели делопроизводство в кочевых ставках и т.д.; 7) *суфии* – члены аскетического «ордена», влияние которого распространялось от Магриба до Кашгара. Единичные лапидарные упоминания о суфиях⁶⁵ пока не позволяют комментировать их роль в Ногайской Орде⁶⁶.

Социальная значимость духовенства в Ногайской Орде определялась не только выполнением им религиозной функции, но и грамотностью этой части подданных (хотя в эпосе представлены комичные ситуации, когда священнослужители оказываются на поверку неграмотными, не способными к чтению⁶⁷). Именно в руках мулл находилась дипломатическая переписка бийского двора, а дьяки Посольского приказа видели в них своих коллег, оговаривая: «молла – по руски дияк»⁶⁸. К тому же иногда муллы, подобно саидам и хафизам, входили в состав посольств или даже возглавляли их.

Главной же дипломатической ролью духовенства было сопровождение своих патროнов во время различных внешних миссий и выработка рекомендаций. Уже приводился пример из событий 1614 г., когда бий Иштерек согласился вести переговоры с воеводами с обнаженной головой лишь после совещания со своим саидом Ибрагимом. Десятью годами ранее на церемонии примирения враждовавших бия Иштерека и мирзы Джан-Арслана б. Уруса, организованную астраханскими властями, приехали «для тое всее правды» и четыре саида, непосредственной обязанностью которых было «перед их (Иштерека и Джан-Арслана. – В.Т.) шертью велеть по их (мусульманскому. – В.Т.) закону проговорить молитву». Но участие духовенства расценивалось шире: если договаривающиеся стороны впредь нарушат шерть, то «сеиты у них, по их бусурманской вере, думам их будут свидетели». То же обещали воеводам и сами саиды. Церемония примирения свелась к тому, что «Иштерек князь и Янараслан сеитом велели по своей по бусурманской вере молитвы говорить, а сами в ту пору Иштерек князь и Янараслан стояли, зажав руки. И как сеиты по своему бусурманскому закону молитвы проговорили, и Иштерек князь и Янараслан, сподчись, меж себя корошевались и обнялись, и поцеловались»⁶⁹.

Однажды в средневековых материалах промелькнуло сообщение о намерении саида Сайф-ад-Дина «всяких нищих людеи поить и кормить» при основанной им в Астрахани мечети⁷⁰, т.е. на духовенство, видимо, возлагалась и функция благотворительности. Кроме того, грамотность теоретически позволяла ему вести какие-то записи преданий и исторических событий. Подобное известно из жизни башкир и татар⁷¹, но не упоминается в источниках касательно ногаев.

Еще одна важная сторона деятельности ногайского духовенства – это такая форма политической активности, как шпионаж. Имеются сведения лишь о шпионаже в пользу России. В 1581 г. мулле Джанкерди было отправлено царского жалованья 5 руб. с наказом послу «отдати тайно» и с заверением, что «государю служба его (муллы. – В.Т.) ведома, и он бы государю вперед служил по тому ж, как преж того служил, а государево жалованье к нему вперед будет без оскуденья»⁷². В чем заключалась служба муллы, из данного наказа не ясно, но полная ее картина предстает из переписки упоминавшегося выше садра Хаджи б. Джамиля с Посольским

приказом в 1617 г.: «Как присылал турской Ахмет салтан з грамотою к Иштереку и Божия пророка с Магаметевым писмом, с саблею и з знаменем, с своим жалованьем – со многим платьем, и Иштереку князю в те поры я тебе, великому государю, радел и Иштерека князя от турецкого Ахмет салтана и от крымского Джанбек Гирея царя отвел; а навадил на то, чтоб ему быть под твоею царскою высокою рукою; и грамоты их, турецкого Ахмет салтана и крымского Джанбек Гирееву цареву, к тебе, великому государю, [я] послал. И ныне, государь, толко какая весть к нам ис Царягорода объявитца, и я так же тебе, великому государю, учну служить. И за то, государь, мое раденье и службу твое царское жалованье мне не дано ничево». Далее садр просит денег за свои труды. В другой грамоте Хаджи б. Джамиль напоминает, что письмо султана он передал воеводам в Астрахань, и заверяет вновь: «А я государю и вперед хочю служить головою своею. И откуда будут к Иштереку князю послы и грамоты – от турецова Ахмет салтана или от крымскова, или от бухарскова – и про то про все я государю учну объявляти»⁷³. Приближенность к бию превращала таких мусульманских иерархов в своеобразную московскую резидентуру.

Несомненно участие духовенства в выработке династической идеологии Ногайской Орды, в частности, легенды о возведении рода Эдиге через святого проповедника Баба-Туклеса к халифу Абу Бекру ас-Сиддику.

В Улусе Джучи мангыты изначально кочевали в Юго-Восточном Казахстане, т.е. в левом крыле государства, Кок-Орде. Сам Эдиге был «одним из главных эмиров левого крыла у хана Тохтамышша»⁷⁴. Левое крыло традиционно считалось более почетным. Но само по себе вхождение в него не давало каких-либо привилегий. Никакими преимуществами перед другими элями не пользовались поначалу и мангыты. Французский инженер на польской службе Г. Боплан в 1630–1640-е годы писал о крымских ногаях: «Это племя менее благородно, чем крымские татары»⁷⁵. Аналогичный взгляд на ногаев был зафиксирован и на другом краю Дешт-и Кипчака – в киргизском эпосе «Манас», гласящем: «Став соседями с мангулами, род ногайский стал презренным»⁷⁶. Крымский хронист XVIII в. Саид Мухаммед Риза, отмечая происхождение Эдиге из «плохого поколения» (*кабиле*), называет другую причину негативного отношения к мангытам: «Из-за насильственных действий племени манкут имя Идику было причислено к числу подстрекателей смут и источников бедствий»⁷⁷. Однако среди казахов потомки Эдиге слыли «белой костью» (*ак суяк*), т.е. аристократией. Знатность рода в то время определялась близостью к Чингисидской династии. Поскольку Едигеев клан не имел к ней никакого отношения, то и объяснение должно было быть другим. В последнем примере выражение «ак суяк» объяснялось буквально: предок Эдиге Баба-Туклес был рожден женщиной, которая забеременела от того, что попробовала порошок, приготовленный из волшебного черепа⁷⁸.

Происхождение рода Эдиге от Ходжи Ахмеда Баба-Туклеса послужило обоснованием власти мангыто-ногайских биев. Традиция приписывает формулировку этой легитимности мирзе Нур-ад-Дину, сыну Эдиге. Когда он убил хана Тохтамышша и стал править его подданными, те принялись судачить: покойный хан доводился-де потомком Чингисхану, а Нур-ад-Дин «не из этого племени». Новый властитель отозвался так: «Я от рождения верил и почитал единого Бога; сам Бог мне всюду покровительствовал; читал я много священных наших книг. А что я не из рода Чингиз-хана, то это меня ничуть не унижает, ибо я из племени славного турецкого богатыря Хочахмат Бабатукла». Народ, выслушав эту речь, успокоился⁷⁹. В варианте дастана «Эдиге», записанном Н. Османовым, исламская аргументация выглядит еще более веской: «Нурадил» утверждает, что появился он на свет в священный день пятницы; первыми произнесенными им словами была *шахада* (формула символа веры); он свободно читает по-арабски и т.д.⁸⁰ Сам эпический Эдиге объявил хану Тохтамышшу о своей принадлежности к *курейиш* – племени Пророка⁸¹.

Баба-Туклес считался потомком халифа Абу Бекра, и в мусульманском обществе Золотой Орды XV в. такое обоснование права на власть, судя по всему, показалось

достаточным. В Ногайской Орде данная концепция стала официальной, и мирзы вели свои родословные от эпохи Мухаммеда и первых халифов. «Роспись мурзам ногайским, сколко в Малом Ногае мурз», составленная в августе 1638 г., гласит: «А роду нашему по нынешней по 146-й (т.е. 1637/38. – В.Т.) год ровно тысяча сорок семь лет»⁸². Стало быть, начало рода отсчитывалось с 591 г.⁸³

Едва ли следует безоговорочно доверять эпосу и приписывать разработку идеологической концепции воинственному интригану Нур-ад-Дину (как это делал М.Г. Сафаргалиев⁸⁴). Гораздо более правомерно отнести ее ко времени и даже персоне Эдиге, который столкнулся с необходимостью узаконивания своей власти в державе Джучидов, своего господства над Джучидами. Не принадлежа к династической аристократии, беклербек вынужден был искать доводы в пользу своих преимуществ перед ней, а доказывать свое происхождение от халифа, жившего тысячу лет назад, было легче, чем претендовать на родство с Чингисханом⁸⁵. Однако объявить себя потомком первого халифа было недостаточно для всеобщего признания. Требовалось, во-первых, сделать фигуру Абу Бекра значимой для основной массы населения Золотой Орды, во-вторых, превратить генеалогическую легенду в орудие сплочения народа вокруг беклербека. Этим целям способствовала активная исламизация кипчакского населения, которую Эдиге развернул на подвластных ему землях⁸⁶. Исламское духовенство наверняка сыграло в ней не последнюю роль⁸⁷.

Упоминавшееся выше жалованье, просимое духовными лицами у московского царя, являлось вознаграждением за информацию. Но вовсе не на денежных подачках из Кремля базировалось их благосостояние. Семьи некоторых саидов жили зачастую в кочевой среде, вели типичный для кочевников образ жизни и так же передвигались по сезонным маршрутам. Сайф-ад-Дин б. Калеват, главный саид Иштерека, сменивший в этом ранге своего брата Ибрагима, писал, что «исстари... отцы наши и деды Бога молили и кочевали по Волге реке и по Еику. А после отцов своих и я... живучи на тех же отца своего юртех в кочевьях... Бога молю» (впрочем, около 1615 г. он переехал на жительство в Астрахань)⁸⁸. Документы начала XVII в. свидетельствуют, что «на поле... у них (т.е. в степи среди ногаев. – В.Т.), по их бусулманскому закону, по всякой правде, меж их те ж сеиты живут»⁸⁹.

При этом, насколько можно понять из слов Сайф-ад-Дина, в Ногайской Орде у саидов сформировалось уже наследственное пользование кочевьями и владение «улусными людьми». Тот же саид упоминал находившиеся под его началом десять семей, «которые при отце моем и при деде отцу моему и деду [служи?]ли». В 1633 г. они перечислены подробнее в росписи жителей приастрханских полукочевых поселений-юртов: дворовых людей – 10 и захребетник (неимущий; может быть, слуга) – 1; улусников – «прожиточных» – 18, их «братья» – 3, детей – 6, захребетник – 1; «прожитком середних» – 12, их «братья» – 2, детей – 30, захребетник – 1; «бедных людей» – 40, их «братья» – 6, детей – 5⁹⁰.

О владениях других категорий духовенства почти ничего не известно, но, наверное, они тоже обладали каким-то имуществом, о чем можно судить по фактам угона лошадей из табунов, принадлежавших муллам⁹¹. Изредка в документах проскальзывают упоминания о наследственной подчиненности главе Ногайской Орды четырех «улусов» – «Сеит, Хоза, Базар, Сараичук»⁹². Сараичук постоянно фигурирует в источниках, это резиденция правителя («столица»). Упоминаются и «базарские люди», «базарники»; например, бий Исмаил в 1562 г. писал о них так: «в улусех моих оприченная казна моя»⁹³. Видимо, речь идет о населении орда-базара (кочевой летней ставки): купечества высшей категории и их семьях, а также подданных, обслуживавших двор бия. Улусы Сеит и Хоза – владения саидов и ходжей; возможно, какой-то аналог вакуфного земельного фонда. В 1585 г. казаки совершили набег на «Хозины улусы на богомолцовы – на Кара хозин и на Бабе хозин, и на Кара Асман хозин, и улусы погромили». Это случилось где-то поблизости от Яика. Глава ходжей Карашман-ходжа бежал, а его жена, сестра бия Уруса, попала в плен⁹⁴.

Впрочем, профессиональные служители культа едва ли были многочисленны в

Ногайской Орде и имели возможность и желание обзаводиться стадами. Ж. де Люк прямо указывал, что «мусульманские богословы не живут между ними, так как не могут привыкнуть к их образу жизни»⁹⁵.

У ногайцев XVIII–XIX вв. при переходе на оседлость сохранялся заметный слой духовных лиц, которые пользовались узаконенными платажими с населения. Оставались и почитаемые саиды, с которыми считали за честь породниться мирзы⁹⁶. Но в целом после распада Ногайской Орды в рассеянных по степям улусах саиды и муллы разделили судьбу своего народа, вынужденного искать пристанища и покровительства у сильных соседних держав.

Примечания

¹ Этнонимом *ногаи* в статье обозначаются жители Ногайской Орды, согласно самоназванию народа и написанию этого термина в источниках XV–XVII вв.; *ногайцами* мы называем здесь потомков средневековых ногаев позднейшего времени (XVIII–XX вв.), в том числе современный народ на Северном Кавказе.

² В 1613 г. турецкий султан прислал ногайскому правителю – бию Иштереку «пророка нашего саблю» (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. 1613 г. Д. 3. Л. 157, 158). Символическая сабля Пророка служила знаком готовности борьбы с неверными. Опоясывание его входило в ритуал коронации султана в стамбульской мечети Эбу Эдджуб (*Фодор П.* Идеологические обоснования османских завоеваний (XIV–XVI вв.) // *Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией.* М., 1996. С. 30). Авторитет султана как главы мусульманского мира был в Ногайской Орде чрезвычайно высок. В начале 1550-х годов мирза Исмаил, фактический соправитель тогдашнего бия Юсуфа, прислал в Стамбул просьбу о разрешении провозглашать хутбу османскому падишаху (*Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch.* La Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // *Turcica. Revue d'études turques.* 1976. Т. 8. № 2. Р. 219). Неизвестно, чья персона фигурировала в молитвословии ранее.

³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1617 г. Д. 2. Л. 20; 1630 г. Д. 3. Л. 38.

⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 169; *Георги И.И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. СПб., 1799. С. 30; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 405. Фраза турецкого путешественника второй половины XVII в. Эвлии Челеби о ногаях как «единобожцах толка Шафи» основана, вероятно, на его кавказских наблюдениях (*Эвлия Челеби.* Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в. Вып. 2. М., 1979. С. 75). Ногаи изначально придерживались ханифитского мазхаба и меняли его лишь при поселении рядом с чеченцами – как правило, шафитами (см.: *Ярлыкапов А.А.* Ногайская степь: этнос и религия сегодня // *Этнограф. обозрение.* 1998. № 3. С. 94, 95; *Он же.* Религия и этнос в Ногайской степи // *Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий.* Омск, 1998. С. 146). Казахские предания сохранили память об обращении мангышлакских ногаев в ислам именно ханифитского толка последователями суфийского вероучителя Ходжи Ахмеда Ясави (*А.К.* Предания адаевцев о связях секты ханафие, живших и умерших на Мангышлаке // *Сборник сведений о кавказских горцах.* Вып. 7. Тифлис, 1873. С. 10–15).

⁵ *Эвлия Челеби.* Указ. соч. Вып. 1. М., 1961. С. 40.

⁶ *Игнатев Р.Г.* Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // *Справочная книжка Уфимской губернии.* Уфа, 1883. С. 334; *Люк Ж.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // *Зап. Одесского общества истории и древностей.* Т. 11. 1879. С. 485; *Хуан Персидский.* Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.* 1899. Кн. 1. С. 8. См. об этом также: *Ярлыкапов А.А.* Ногайская степь... С. 90.

⁷ *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch.* La Moscovie, l'Empire Ottoman et la crise successorale de 1577–1588 dans le khanat de Crimée // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1973. Vol. 14. № 4. P. 460.

⁸ См. также: *Бартольд В.В.* Соч. Т. 9. М., 1977. С. 368.

⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. Л. 22; Д. 8. Л. 248, 248 об.; Д. 9. Л. 44 об.; 1605 г. Д. 6. Л. 1.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 124 об.

¹¹ *Георги И.И.* Указ. соч. С. 30; *Лызлов А.И.* Скифская история. М., 1787. С. 2; *Тунманн.* Крымское ханство. Симферополь, 1991. С. 48.

¹² См., напр.: Ногайдынъ кырк баътири. Ногай халк дестанлары. Махачкала, 1991. С. 37; *Сикалиев А.И.-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 182, 208; *DeWeese D.* Islamization and native religion in the Golden Horde. Baba Türkles and conversion to Islam in historical and epic tradition. University Park (Pennsylvania), 1994. P. 42.

¹³ Сикалиев А.И.-М. Указ. соч. С. 181.

¹⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1636 г. Д. 2. Л. 11.

¹⁵ Там же. 1632 г. Д. 1. Л. 142, 143.

¹⁶ Дешт-и Кипчак (*перс.* «Кипчакская степь») – средневековое обозначение степного пояса Евразии от Дуная до Оби.

¹⁷ См.: Ахмад ибн Мухаммад ибн Арабишах. Аджаиб ал-макдур фи ахбар Тимур. Каир, 1305 (1887/1888) (далее – *Ибн Арабишах*). С. 63; Клавиохо Р.Г. Дневник путешествия ко двору Тимура (1403–1406 гг.). М., 1990. С. 144; Утемиши-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 99.

¹⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 2. Л. 170. Здесь и далее курсив автора статьи.

¹⁹ Вельяминов-Зернов В.В. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // Тр. Восточного отд. Русского археол. общества (далее – ВОРАО). 1859. Ч. 4. С. 263, 268; Игнатъев Р.Г. Указ. соч. С. 334; Игнатъев Р.Г., Гурвич Н.А. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии и Оренбургского края с самых отдаленных времен до настоящего // Справочная книжка Уфимской губернии. С. 11.

²⁰ Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири // Уч. зап. Казанского ун-та. Вып. 12. 1903. С. 136, 137, 143, 150, 151.

²¹ Игнатъев Р.Г. Указ. соч. С. 334.

²² Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1. Ставрополь, 1883. С. 3; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 405. Оп. 6. Д. 3076. Л. 30, 30 об.; Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический обзор. Тифлис, 1909. С. 3.

²³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1585 г. Д. 1. Л. 10; 1615 г. Д. 1. Л. 14, 15; 1636 г. Д. 2. Л. 11.

²⁴ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 297. Благодарю А.М. Некрасова за указание на этот факт.

²⁵ Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 140; Д. 4. Л. 3, 4; 1641 г. Д. 5. Л. 33.

²⁶ Там же. 1628 г. Д. 2. Л. 55, 56; Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 1. С. 51.

²⁷ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 428, 442, 451, 454.

²⁸ Цит. по: Сикалиев А.И.-М. Указ. соч. С. 51.

²⁹ Малая Ногайская Орда (или Малые Ногаи, Казыев улус – по имени основателя) – политическое образование, созданное на Северо-Западном Кавказе в 1570-х годах выходцами из Ногайской Орды. Основная территория ногаев в Заповолье с тех пор в источниках получает наименование Большой Ногайской Орды (Больших Ногаев).

³⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 299, 300.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 65 об.

³² Там же. 1619 г. Д. 2. Л. 288, 289.

³³ Там же. 1615 г. Д. 1. Л. 24; Д. 2. Л. 5, 17; Д. 12. Л. 10.

³⁴ Там же. 1642 г. Д. 5. Л. 16, 21.

³⁵ Там же. 1615 г. Д. 2. Л. 7, 8. Аксак Кель-Мухаммед был упорен в поиске причин для отговорок. Позднее в аналогичной ситуации он заявил: «Русские люди без шапок стояти привыкли, а они, мусулманя, без шапок стояти не привыкли, и ему, Оксаккелмаметю мурзе, шапки не снимать; а сеи студено – уши зябнут, да и голова у него болит» (Там же. 1618 г. Д. 4. Л. 21).

³⁶ Оларий А. Указ. соч. С. 405; Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 196.

³⁷ Георги И.И. Указ. соч. С. 41.

³⁸ Ананьев Г. Караногойцы, их быт и образ жизни // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ставрополь, 1909. С. 10.

³⁹ Люк Ж. Указ. соч. С. 482, 483, 487.

⁴⁰ Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев: XIX – начало XX в. М., 1979. С. 128.

⁴¹ Муканова Т.А., Кочекаев Б.-А.Б. Этюды по этнографии казахов и ногайцев. Караганда, 1985. Деп. в ИНИОН РАН. № 23657/86. С. 63, 64.

⁴² РГАДА. Ф. 127. Д. 7. Л. 37, 45, 45 об.

⁴³ Там же. 1639 г. Д. 6. Л. 1; Д. 11. Л. 26. В Казахстане, Средней Азии и Иране есть несколько населенных пунктов с названием «Астана». Однако не думаю, что поселение с таким же наименованием обязательно было в «Юргече» – Ургенче (Хорезме), так как персидское слово *астана* (усыпальница святого) в различных тюркских языках использовалось в сходных нарицательных значениях – «мавзолей», «строение, возведенное над могилой» (см.: Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869. С. 40; Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1893. С. 550). Таким образом, речь в цитируемых документах могла идти о гробницах предков, без упоминания конкретного города или селения Астана.

⁴⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 124; Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910 (Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 22).

⁴⁵ Кобеко Д.Ф. К вопросу о местоположении города Сарая, столицы Золотой Орды // Зап. Восточного

отд. Русского археол. общества. Т. 4. Вып. 1/2. 1889. С. 269, 270; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 67, 308, 308 об.; Д. 7. Л. 37, 45, 45 об.; Д. 8. Л. 236 об., 237, 276.

⁴⁶ *Фазлов Г.Б.* Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995. С. 37.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 187; Д. 7. Л. 65.

⁴⁸ Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1586 г. Д. 1. Л. 27.

⁴⁹ Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 288.

⁵⁰ *Саид Мухаммед Риза.* Ассерб ос-сейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов. Казань, 1832. С. 106.

⁵¹ *Тунманн.* Указ. соч. С. 48.

⁵² *Скальковский А.* О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии // Журн. Мин-ва нар. просвещения. Ч. 40. 1843. С. 111.

⁵³ *Павлов А.М.* О нагайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842. С. 23, 24. Эвлия Челеби сообщает, что ногайцы Черкесии во второй половине XVII в. использовали для мирхаба дупло огромного засохшего дерева, возле которого они собирались на молитву вместе с мусульманами-дагестанцами (*Эвлия Челеби.* Указ. соч. Вып. 2. С. 70).

⁵⁴ *Voyages d'Ibn Batoutah.* Т. 3. Р., 1874. Р. 1, 2.

⁵⁵ *Сикалиев А.И.-М.* Указ. соч. С. 82.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1622 г. Д. 3. Л. 25.

⁵⁷ Там же. 1604 г. Д. 3. Л. 58; 1615 г. Д. 2. Л. 7; 1617 г. Д. 2. Л. 21, 26; Д. 3. Л. 31; 1622 г. Д. 3. Л. 25; 1623 г. Д. 1. Л. 112; Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918. С. 101.

⁵⁸ См., напр.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 7. Л. 53; 1617 г. Д. 2. Л. 22.

⁵⁹ Существование особой категории потомков первых халифов обнаруживает искусственность и надуманность генеалогической легенды, возводящей клан Эдиге к преемнику Пророка Абу Бекру (см. ниже). Ведь в таком случае все мангытские мирзы должны были обрести статус ходжей. Впрочем, возможно, под ходжами подразумевались и приверженцы духовного ордена Накшбанди.

⁶⁰ См., напр.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 52; 1630 г. Д. 3. Л. 39.

⁶¹ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 252.

⁶² *Люк Ж.* Указ. соч. С. 485. К подобному заключению европейского наблюдателя могла привести и практика совмещения духовных рангов, которая существовала в Ногайской Орде: «*молла Ишим абыз*» (т.е. хадиз), «*ишха* нашего Маалюм *хазина* сына Карыхозя зятя» (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 7. Л. 53; Д. 8. Л. 238) и т. п.

⁶³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1617 г. Д. 2. Л. 40.

⁶⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 и сл.; Д. 8. Л. 238.

⁶⁵ См.: там же. Д. 1. Л. 13, 14; Д. 2. Л. 67 об., 69, 70; Д. 3. Л. 152.

⁶⁶ Д.М. Исхаков предполагает, что среди ногаев были также дервиши (*Исхаков Д.М.* Сеиды в позднелотоордынских татарских государствах // *Tatarica.* 1997/98. № 1. С. 79). Бесспорных свидетельств на этот счет мне в средневековых материалах не встретилось.

⁶⁷ *Сикалиев А.И.-М.* Указ. соч. С. 82.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1616 г. Д. 4. Л. 15; 1617 г. Д. 3. Л. 31.

⁶⁹ Там же. 1604 г. Д. 3. Л. 57–60; Акты времени Лжедмитрия I-го. С. 100. *Карашевание* – тюркский приветственный обряд, сочетавший объятие и рукопожатие. В.Д. Смирнов возводил глагол «карашеваться» к тюркскому *гёрюшмек* (видеться), Н.И. Веселовский – к *карышмак* (находиться напротив) (*Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 363; *Веселовский Н.И.* Рец. на кн.: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство... // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1889. Ч. 261. Январь. С. 178).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 288.

⁷¹ *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 36.

⁷² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 10. Л. 54 об., 55.

⁷³ Там же. 1617 г. Д. 2. Л. 40, 41.

⁷⁴ *Ибн Арабиш.* Указ. соч. С. 54. Подобно большинству кочевых держав, территория и население Золотой Орды и затем Ногайской Орды делились на три части – центр-домен, правое (западное) и левое (восточное) крылья.

⁷⁵ *Боплан Г.* Описание Украины Боплана. 1630–1648 // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 2. Киев, 1896. С. 329.

⁷⁶ Цит. по: *Кыдырбаева Р.З.* Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, 1980. С. 176.

⁷⁷ *Саид Мухаммед Риза.* Указ. соч. С. 67–68.

⁷⁸ *Валиханов Ч.Ч.* Соч. СПб., 1904. С. 232, 272, 273.

⁷⁹ *Ананьев Г.* Караногайские исторические предания // Сб. матер. для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 12.

⁸⁰ Османов Н. Ногайские и кумыкские тексты. СПб., 1883. С. 43.

⁸¹ Ногайдынъ кырк баптири... С. 31.

⁸² РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32. Л. 16.

⁸³ Столь точная дата не вполне ясна. Абу Бекр родился около 572 г.

⁸⁴ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 228, 229.

⁸⁵ При этом едва ли правомерно видеть в концептуальных поисках Эдиге стремление принизить или даже унижить ханский род (см., напр.: Усманов М.А. О трагедии эпоса и трагедии народа // Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 252; Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 54). Авторитет Джучидов был освящен традицией, и ногаи всегда с почтением относились к династии, несмотря на жестокие конфликты с отдельными ее представителями.

⁸⁶ Население западной части Улуса Джучи к тому времени было уже довольно сильно исламизировано. Действия, предпринятые Эдиге, адресовались в первую очередь жителям восточных степей, составившим его опору.

⁸⁷ Другим важным средством обоснования гегемонии мангытского вождя стала эпизация его облика. Уже в первые десятилетия после смерти Эдиге его личность и биография начали обрастать легендарными подробностями (Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Избр. тр. Л., 1974. С. 377, 378). Эпический ореол основателя мангыто-ногайской бийской династии бросал отсвет и на его потомков. Знаменитый эпический цикл о сорока богатырях, по справедливому мнению Д. Девиза, воплощал в себе «взгляд на единство, сплоченность и легитимность Ногайской Орды» (DeWeese D. Op. cit. P. 518–519). О династической идеологии ногаев см. также: Абилеев А.К., Абилеев Е.А. Политическая история Ногайской Орды в XV–XVII вв. // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. М.; Терекли-Мектеб, 1991; Юдин В.П. Указ. соч. С. 52 и особенно DeWeese D. Op. cit. Index; *Noghay*.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 209, 288, 289.

⁸⁹ Там же. 1604 г. Д. 3. Л. 58; Акты времени Лжедмитрия I-го. С. 100.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1619 г. Д. 2. Л. 290; 1633 г. Д. 1. Л. 33.

⁹¹ См., напр.: Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 180 об.

⁹² Там же. 1627 г. Д. 3. Л. 15.

⁹³ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; Д. 6. Л. 84 об.

⁹⁴ Там же. 1585 г. Д. 6/№. Л. 3; 1586 г. Д. 5. Л. 2.

⁹⁵ Люк Ж. Указ. соч. С. 485.

⁹⁶ Бейтковский И.В. Указ. соч. С. 80, 81; РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3076. Л. 33 об., 34.

V.V. T r e p l o v. Islam and Priesthood in the Nogai Horde in the XVth – XVIIth cc.

The Nogai Horde had been formed during the second half of the XVth c. on the territory of the left bank of the Lower Volga, Bashkiria, and a large part of Kazakhstan as a result of the Golden Horde demise. It had been an equal and potent part of the Moslem system of politics. Irrespective of the late conversion to Islam and preservation of some heathen beliefs, a number of formal features enable the author to come to the conclusion that the Nogais represented at the time a Moslem society. Some historical sources describe the religious rituals, which were practiced in the Nogai Horde. High social status of the priesthood in the Nogai Horde has been attained and preserved not only due to religious functions, but also due to their literacy. Professional clergy, though, according to the author's view, was hardly numerous.

© 2002 г., ЭО, № 4

О.А. Соловьева

ДОЛЖНОСТНЫЕ СИМВОЛЫ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ В XIX в.

Одна из важнейших задач в области исследования традиционной политической культуры – изучение проблем, связанных с политической символикой. Долгое время рассмотрение символов власти осуществлялось преимущественно в рамках социаль-